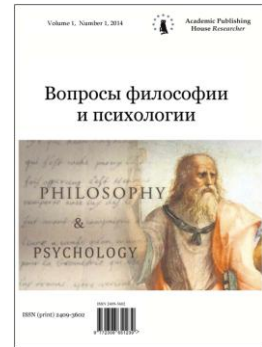

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 4, Is. 2, pp. 56-66, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.4.56
www.ejournal20.com

Articles and Statements

UDC 1

Social and Philosophical Interpretation of Nationalism, its Types and Historical Forms

Yury D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academies of the mediaindustry,
Russian Federation
PhD, Professor
E-mail: maily-granin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the naturalistic, societal, subjective and symbolic, instrumental and constructive, gender approaches to studying the nations and nationalism. Philosophical foundations of these approaches are explicated. Particular attention is paid to the criticism of philosophical foundations of the postmodernistic directions of research. Transdisciplinary social and philosophical (neomarksism) interpretation of nationalism is offered in the article. According to the author the interpretation makes it possible to eliminate the barriers of "lack of understanding" between researchers.

Keywords: state, discourse, identity, nation, nationalism, paradigm.

Изучение национализма насчитывает более двух столетий, хотя в самостоятельную область теоретических научных исследований оно выделилось значительно позже – после второй мировой войны и окончательного распада мировой системы колониализма, сопровождавшихся всплеском национализма по всему миру, формированием десятков новых «национальных государств», число которых продолжало неуклонно расти. В 1920–1940 годы, не без влияния впечатления, оставленного крахом Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй, распространением и последующим поражением национал-социализма в Европе, сформировалось и доминировало вплоть до 1960-х годов «историческое» направление исследований национализма (Г. Кон, К. Хэйз, Б. Шефер, Т. Шидер, О. Лемберг и др.) сравнительно-исторического и историографического плана. Характерной особенностью этого направления было построение исторических периодизаций и выделение исторических типов (видов) национализма без обсуждения проблемы его сущности, только связав его эволюцию с расцветом и деградацией европейского либерализма и целями, которых стремились достичь участники национальных движений.

В целом, по нашему мнению, историческое направление отличалось дефицитом теоретической аргументации и методологическим эклектизмом. Изменение экономических, социальных, политических и культурных условий бытия интегрированных в этнические

сообщества индивидов, вызвавшее к жизни в XVIII–XIX столетиях такое сложное явление как многоликий национализм, в расчет не брались. Восполнили этот пробел работы К. Дойча (1950–1960) и Э. Геллнера (1964), а затем – исследования и других социологов, политологов и культурологов (А. Коббан, Э. Карр, У. Конол, Э. Кедури, Э. Смит, Л. Снайдер, Ф. Хертц и Г. Айзекс), так сказать «прервавшие» монополию историков на изучение национализма и подготовившие «теоретическое» направление исследований национализм (в полный голос заявившее о себе в 1980 годы).

Это, по сути, междисциплинарное направление, теоретически связало дискурс о «нации» с дискурсом о «национализме». «Нация – цель любого национализма, а национализм – средство формирования наций». После выхода в 1983 году монографии Э. Геллнера «Нации и национализм», книги Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» и сборника статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйндера «Изобретение традиции» это положение стало «максимой» для большинства специалистов. «После них, – справедливо отмечает В.С. Малахов, – стало невозможно писать о национализме так, как о нем писали раньше» [1, с. 41]. Идеи, содержащиеся в этих работах, впоследствии, на разном идейно-теоретическом фундаменте, были использованы, развиты и, конечно, подвергнуты критике в исследованиях У. Альтерматта, Р. Брубейкера, Э. Балибара, П. Брасса, Дж. Бройи, Х. Бхабха, И. Валлерстайна, П. Ван дер Берга, К. Ведери, А. Гастингса, Э. Гидденса, К. Гирца, Д. Горовитца, Р. Гриффина, Т.Р. Гэрра, М. Канна, Ф. Джеймисона, М. Манна, Рене Монза, К. Оффе, Э.Д. Смита, Д. Шнаппера, Г. Шоплина, А. Умланд, Й. Файхтингера, Ю. Хабермаса, С. Хатингтона, К. Хюбнера, М. Гроха, П. Чартерджи и Т. Эриксона. С тех пор национализм все чаще стал интерпретироваться как сложное объективно-субъективное массовое явление, исторически связанное с появлением сначала в Европе, а затем и по всему миру качественно новых полиэтнических сообществ людей – «наций», формирование и распространение которых было детерминировано комплексом естественных, социальных, экономических, политических и культурных факторов [2, 3].

К настоящему времени в корпусе социальных наук сформировались следующие подходы к изучению наций и национализма: "натуралистический" (примордиалистский), "социетальный" (в его социоэкономической и культурной версиях), "субъективно-символический", "этносимволический", "инструментально – конструктивистский" и "гендерный" [4, 5, 6]. В качестве основания их выделения можно указать, с одной стороны, на различия в понимании сущностных характеристик (качеств) и преимущественное внимание к одной из многих групп факторов, влияющих на формирование и эволюцию наций и национализма, а с другой – различия философских оснований указанных подходов, связанные с разным пониманием способа существования и возможности познания явлений социального мира. В корпусе исследований наций и национализма именно философские основания остаются не проявленными и слабо рефлексированными. К. Дойч, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит, Э. Хобсбаум и другие ведущие исследователи национализма, не взирая на социетальное, этносимволическое и иное содержательное различие интерпретаций понятия «национализм», едины в признании наличия у используемой ими категории референтов в социальной реальности, существующей независимо от исследователя, хотя и испытывающей его воздействие. Но в ряде работ инструментально – конструктивистского толка именно это принципиальное для ученого обстоятельство подвергается методологическому и метафизическому сомнению. Именно эту – неклассическую – версию инструментального конструктивизма, берущую начало в классическом инструментализме и прагматизме Ч. Пирса, У. Джемса, Дж. Дьюи, Г. Мида а в наши дни представленную в работах Р. Брубейкера, К. Вердери, Э. Гидденса, К. Кальхуна, Р. Хэнлера и некоторых других исследователей национализма [7], следует обсудить в первую очередь

Характерной особенностью работ указанных авторов является отсутствие ссылок на классиков прагматизма и инструментализма при обосновании своей эпистемологической позиции. Между тем следует помнить, что как особое направление в эпистемологии инструментально-конструктивистский подход возник в конце XIX века – в эпоху расцвета индустриального капитализма и тесно связан с такими течениями философской мысли как прагматизм, конвенционализм и операционализм. Основу всех этих философских воззрений о природе научного знания и характере научной деятельности составляет резко негативное отношение к классической концепции истины, согласно которой истина есть

соответствие наших знаний действительности. В противоположность этому утверждается, что, поскольку мы никоим образом проверить это соответствие не можем, предпочтительнее рассматривать научные гипотезы, понятия, законы и теории лишь как «инструменты», орудия, «ключи», которые истинны в той мере, в какой мы добиваемся успеха в той или иной ситуации. Будучи «теоретическими конструкциями» ученых, эти концепции не имеют иного объективного содержания, кроме установленного самим научным сообществом в результате консенсуса. Говоря иначе, любое знание (понятие, суждение и т.д.) человека есть «воображаемая реальность», о соответствии которой объективному миру мы не можем сказать ничего определенного вне научного консенсуса [8; 9].

Применительно к социальным наукам и социальной практике это означает свободу оперирования любыми понятиями и средствами, приносящими успех, и такой же свободный отказ от них в изменившейся ситуации действия. Позже эти взгляды в иной форме вошли в состав методологии социального конструктивизма в том виде, в каком она была представлена в интерпсихологической социологии Т. Тарда, интерпретативной социологии П. Бергера и Т. Лукмана, «археологии знания» М. Фуко, а затем переосмыслена и продолжена постструктурализмом/постмодернизмом (Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё и др.), обративших внимание на роль обыденного (дотеоретического) знания: «эпистем», «нарративов» и вообще «языка» в формировании «социальной реальности».

Постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евроатлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на отказ от парадигмальных образцов естествознания, логоцентризм и равноправность дискурсов любого рода, а в культуре – на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодерн противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований – «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т.п.

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации и деконструкции представление о познании социальной реальности трансформируется в дискурсивные (языковые) практики, равноправие которых достигается фактическим элиминированием проблемы истины, которая в работах Р. Брубейкера, К. Вердери, Э. Гидденса, К. Кальхуна и некоторых других исследователей национализма выносится «за скобки» анализа.

Характерной особенностью работ этих авторов является намерение преодолеть субстанциональную и эссенциалистскую трактовку реальности социальных явлений: их интерпретации в качестве «вещей» или «сущностей», независимых от воспринимающего и изучающего субъекта. Вне обремененного коллективным, в т.ч. бессознательно-архетипическим, культурно-историческим дотеоретическим и теоретическим опытом субъекта социальная реальность и ее фрагменты не существуют. Так, К. Вердери пишет, что «всякий данный национализм следует рассматривать как имеющий множество значений, выдвигаемых в качестве альтернатив и оспариваемых различными группами, которые маневрируют, пытаясь застолбить своё право на определение символа и его легитимирующие воздействия». Поэтому и национализм относится не к социальной реальности, а к контексту дискурса: важно лишь «каков тот глобальный, социальный и институциональный контекст, в котором различные группы соревнуются за право контроля над этим символом и его значениями», - утверждает К. Вердери [10, с. 299].

По мнению, В.С. Малахова «мы знаем, что национализма как такового не существует», а «нация есть символ, а не вещь» (К. Вердери). Примерно также рассуждает Р. Брубейкер. По его мнению, главным заблуждением социальных исследователей является их ориентация на концепцию «реализма группы», которая считает нации и этнические группы реальными сущностями, действительными, длящимися во времени коллективами с четко очерченными границами, Согласно ей «социальный мир состоит из внутренне гомогенных и

внешне отграниченных культурных блоков, подобно полотну Модильяни... На мой взгляд это видение социального мира, стилизованное под полотно Модильяни, является глубоко проблематичным. Этнические и национальные блоки сложно представить себе как внешне резко отграниченные и внутренне культурно гомогенные блоки» [11, с. 65]. Действительно, в современности за редким исключением многие этнические и национальные группы расселены за пределами политических границ, продолжают бороться за пересмотр этих границ, используя «право на самоопределение». Более того. За исключением изолированных племен, нет ни одного народа, сохранившего в первозданном виде свою антропологию и культуру: завоевания, миграции, аккультурации, смешанные браки, как говорится, сделали свое дело. Но указать на это очевидное эмпирическое несоответствие реального положения дел гомогенизирующему содержанию понятий «этнос» и «нация» недостаточно. «Для того чтобы оспорить карту Модильяни (т.е. теоретическую картину социального мира, используемую сегодня социальными науками – Ю.Г.), необходимо подвергнуть прямому сомнению групповую социальную онтологию, на которой основывается эта карта» [Там же, с. 95]. Фактически Брубейкер предлагает отказаться от всех категорий социальных наук («расы», «этничности» и др.), которые образованы из «веры «в онтологию группы»».

По его мнению, пишет он в статье «Именем нации: размышления о национализме и патриотизме», «формулировка вопроса «что есть нация?» не вполне корректна, поскольку подталкивает нас к тому, чтобы определять национальность в категориях объективной реальности, рассматривать нации как особые явления (сообщества?). ... Я хочу поставить вопрос несколько иначе: как работает понятие «нация»? Такая формулировка заставляет нас отказаться от расхожего понимания нации как сообщества людей, коллектива, особого организма» [12, с. 110–111]. И интерпретировать его как понятие, относящееся к числу ценностных категорий. «Выражаясь современным языком, можно сказать, что нация – это в первую очередь категория практики, а не категория анализа» [12, с. 111]. Оно хорошо работает в языке политических активистов, стремящихся изменить восприятие людьми самих себя, воззвать к их преданности «нации», но не годится в качестве инструмента анализа. Поэтому от него надо избавляться, как и от других «категорий практики».

Впрочем, полагает Р. Брубэйкер, «нации» и «национализм» можно использовать в качестве «практических категорий, схем классификации, когнитивной рамки», используемых государствами или против государств, или – в качестве дискурса: «закрепленного в языке способа упорядочения социальной реальности» [1, с. 122]. И поскольку способов языкового упорядочения социальной реальности может быть много, постольку имеющий идеологическую природу «националистический дискурс» в качестве «аналитической схемы», отмечает В.С. Малахов, «дает возможность сопоставить друг с другом различные идеологические конфигурации [национализма], а также проследить, из каких элементов эти конфигурации состоят» [1, с. 122–123]. Более того, он считает, что разграничить научное и ненаучное понимание (понятие) национализма невозможно, так как они по определению фигурируют всегда в том или ином идеологическом контексте: пространстве дискурса. Соответственно, изучать нужно этот контекст и способы функционирования национализма как понятия в разных дискурсах. А вне идеологического контекста (либерального, консервативного, социалистического и др.) национализм «как таковой» не существует. «Перед нами, - пишет Малахов, - способ понятийной организации социальной реальности, а вовсе не «сама» социальная реальность» [1, с. 27]. Таким образом, нации и национализм из феноменов внешней и независимой от исследователя социальной реальности превращается лишь в нечто артикулируемое, но то, что потенциально разложимо без остатка на какие-то иные составляющие. Понятие подверглось постмодернистской деконструкции, а национализм оказался редуцируемым к дискурсу о национализме, а этот последний – к его идеологическим воплощениям, выступающим в качестве инструментов действия государственной бюрократии, элит или этнических групп.

Разумеется, протест против наивного реализма и отмечаемая зависимость содержания знания от языка исследования, испытывающего влияние культурно-исторического и социального контекста, не могут вызвать возражений. Социальная реальность действительно конструируется не только посредством образующих теории и парадигмы

категориальных сетей и методов исследования, но и в процессе нагруженных культурными смыслами восприятия и вербальной активности субъекта. Но констатация этого обстоятельства не снимает, а лишь актуализирует вопрос о наличии некоторого независимого (объективного) от субъекта содержания научного и вненаучного знания. Именно эта проблема, по нашему мнению, осознанно выносится «за скобки» рассуждений сторонниками неклассической (инструментально-постмодернистской) версии конструктивистской интерпретации национализма, придерживающихся, в зависимости от предпочтений, релятивистской, конвенционалистской или прагматической концепций истинности социального знания. Понятно, что нет абсолютных истин, нет ни одной социальной концепции, утверждения которой не были опровергнуты или уточнены за многовековую историю человечества. Но понятно и то, что оставаясь в пределах инструментальной (субъективно-операциональной) версии социального конструктивизма определенно решить проблему объективности знания и познаваемости мира нельзя. Реальность мира сводится к его научным и вненаучным объективациям в процедурах чувственной и интеллектуально-языковой индивидуальной активности, а истинность знания интерпретируется как его польза, самосогласованность или общезначимость. В итоге без определенного ответа остается центральный вопрос: возможности внедискурсивного существования (объективности) внешнего индивиду природного и социального мира, который продуктивно обсуждать в современной философской версии социального конструктивизма, восходящей к социально-философским и историсофским воззрениям XVIII–XIX столетий.

Современная версия социальной философии может быть определена как существующая в многообразии классических и неклассических форм составная часть системы философского знания, которая, формируя первопринципы существования и познания «социального мира» как мира человека и одновременно – части мироздания, изучает его становление и развитие не только с позиций «сущего», но и с позиций «должного» состояния, концентрируя внимание специалистов на диалектике объективного и субъективного, экономического, политического, культурного и социального в истории как жизнедеятельности человека и человечества [13]. В число этих первопринципов входят принципы познаваемости мира, его единства и многообразия, единства логического и исторического в процессе образования понятий, а также принцип целеполагающей совместной предметно-практической и интеллектуально-духовной деятельности людей, понятой в качестве способа существования и изучения социального мира, развивающегося в контексте диалектики Бытия и Сознания.

По мнению большинства отечественных социальных философов, Бытие объективно и непреложно, но оно не дано нам помимо наших собственных, в том числе интеллектуальных усилий. Впервые этот парадокс сформулировал Рене Декарт в знаменитом высказывании «*cogito ergo sum*», смысл которого не в том, что мышление продуцирует Бытие из самого себя, а в том, что оно каким-то глубинным образом «сопричастует» Бытию, и в той или иной мере удостоверяет Бытие для нас. Впоследствии эта интуиция получила определение диалектического единства «онтологии» и «гносеологии». А в XVIII–XIX столетиях усилиями выдающихся умов была глубоко проработана мысль об истории как деятельностном историческом единстве и Бытия, и сопричастного ему Сознания, в котором Сознание («Разум»), будучи теснейшим образом связано с питающей его социокультурной средой, активно участвует в качественных изменениях («прогессе») исторического процесса. При этом исторический процесс понимался как социально и культурно оформленная совместная (предметно-практическая и духовная) деятельность объединенных в группы людей, изменяющих окружающую их естественную среду обитания и создающих, помимо «второй природы», особый мир социальных отношений, связывающих людей в «общества» (социумы) разной степени сложности – семьи, роды, племена, этносы и нации. Как отмечал К. Маркс «история есть ни что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», «люди сами творят свою историю». Но творят ее не произвольно, а лишь в актах субъективного и интересубъективного индивидуального опыта под воздействием многих не зависящих от них обстоятельств и в соответствии с мерой их познанными, определяющей успешность предметно-практического преобразования окружающей их действительности. С определенными уточнениями с такой естественноисторической

версией социального конструктивизма Маркса были солидарны сначала О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, а затем Тойнби, Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, И. Валлерстайн и многие другие выдающиеся социологи и историки, различающие предметно и духовно-практические формы деятельности.

В контексте нашего исследования это означает, что, как и другие базовые понятия социальных наук («общество», «религия», «революция», «политика» и т.д.), «нация» и «национализм» представляет собой категории (как правило, образованные путем абстрагирования от многообразия полученных в ходе специальных исследований «фактов» и их последующего обобщения), получающие статус существования, но различное содержание, в качестве теоретических объектов той или иной дисциплинарной или философской онтологии. Вне этих онтологизаций истории, нации и национализм «как таковые» не существуют. Но, невзирая на неустранимое метафизическое сомнение в независимом от каждого из нас существовании (внешнего) социального мира, чтобы избежать абсурда солипсизма и все-таки остаться на позициях науки, мы допускаем наличие относительного соответствия понятий «нация» и «национализм» их референтам в истории человечества. В качестве таких референтов выступают некоторые общие – инвариантные – свойства и отношения фиксируемых данными понятиями исторических явлений, в том числе – способы их существования и познания: предметно-практические и интеллектуально-духовные социально, политически и культурно обусловленные формы совместной и индивидуальной деятельности. Таким образом, в пределах восходящего к классическому марксизму современного социально-философского конструктивизма «нация» и «национализм» понимаются как парные понятия и фиксируемые ими исторические феномены, которые возникли при определенных социальных (экономических, политических и иных) обстоятельствах и в результате целесообразных предметно-практических и интеллектуально-духовных усилий людей, осознавших потребность новых форм общественного бытия. Попробуем, в этой связи уточнить содержание этих дефиниций.

Как и любое событие человеческой истории (революция, война и др.), «национализм», во-первых, есть процесс, момент и результат духовной и предметно-практической деятельности преследующих свои цели групп людей и отдельного человека. Онтологически он представляет собой сложное, исторически изменчивое единство объективного и субъективного, бытие которого всегда – гносеологически – дано наблюдателю в конкретно-историческом многообразии форм.

Во-вторых, сосуществование и смена идеальных и предметно-практических форм национализма всегда определяется серьезными изменениями в территориальном, политическом, экономическом, религиозном, языковом, культурном и ином «бытии» народов и отдельных людей. Которые, будучи осознанными, воплощаются, в-третьих, в индивидуальном и групповом сознании в когнитивном или эмоционально-волевом виде: как совокупность взглядов, идей, концепций и чувств, на базе которых люди строят свои программы по дальнейшему преобразованию окружающей их действительности в желаемое политическое, культурное или иное состояние.

Предложенный подход, основанный на понимании истории как процесса и результата совместной деятельности людей, позволяет построить самые разные типологии (классификации) национализма, исходя из его трактовки в качестве исторического феномена. В этом случае основаниями классификаций могут стать характер совместной деятельности (духовный и практический) и различные компоненты ее структуры. Например если за основу классификации взять «субъекты» и «сферы» националистической деятельности, тогда национализм можно подразделить на «государственный» и «этнический», «групповой» и «персональный» («бытовой»). А если взять за основу классификации «цели», которые ставят перед собой государства, народы, группы и индивиды, то можно выделить «политический», «экономический», «культурный» и «лингвистический» национализмы. По используемым различными учеными «средствам», национализм можно дифференцировать на «легитимный», «шовинистический» и «экстремистский»; по степени институционализации – на «организованный» (в группы, партии, движения, государственные институты) и «стихийный».

Понятно, что данная (как и любая другая) типология не может исчерпать всех реально существующих видов и разновидностей национализма, которые в «чистом виде» представлены лишь в воображении теоретиков. А в действительности настолько между собой взаимосвязаны и «проникают» друг в друга, что, расчлняя их в процессе исследования «скальпелем» теоретической абстракции, мы неизбежно их упрощаем, редуцируя к той или иной форме феноменальной «явленности». Имея в виду это обстоятельство и вновь подчеркивая рискованность и условность любых типологий и классификаций, тем не менее, следует обратить внимание на два принципиальных в контексте нашего исследования, момента.

Во-первых, на связь субъективного и «практического» воплощений национализма. Возникая как рационализированное (или интуитивное) осознание действительной (или мнимой) потребности в изменении политического, культурного, языкового или другого «статуса» человека (группы, народа) в социуме, национализм первоначально предстает в несистематизированной чувственной и когнитивной форме (чувств, образов и идей), затем – в форме идеологии (системы идей), и наконец воплощается в организованных и стихийных практиках – действиях националистически ориентированных государств, партий, движений, групп и индивидов.

Во-вторых, – на не тождественность «национального сознания» (самосознания) и сознания «националистического». В основе «национального» сознания (самосознания) любого этноса, этнической группы или нации лежат психологические процедуры их самоидентификации (через противопоставление «мы – они») в качестве некоей антропосоцикультурной или политической общности, которые обычно имеют слабо рефлексивный характер. Люди чаще всего не задумываются, почему они «другие» (русские, французы, немцы и т.д.), а стремление определить свою национальную идентичность – вполне естественно для каждого, даже в так называемых этнически сбалансированных и социально стабильных обществах. Но положение принципиально меняется в условиях социальной нестабильности, сплошь и рядом встречающегося политического, культурного и языкового «неравенства» этносов и этнических групп в государствах и государственных образованиях внутри суверенных государств. Где одни – как правило, «нациеобразующие» или «титутельные» – этносы занимают привилегированное положение по сравнению с другими, выражающее в преимущественном доступе к образованию, бизнесу и т.д.

Осознание этого объективного социального, политического и иного неравенства порождает националистические чувства, идеологии и общественные движения, интенции которых направлены не только на «самоопределение» народами самих себя в качестве равноправных субъектов экономики, политики и культуры, но и к *изменению «ситуации неравенства» в свою пользу – повышения собственного статуса за счет других народов.* Аналогичным образом и реально доминирующие в национальном или имперском государстве этносы стремятся сохранить и упрочить свое доминантное положение, обосновывая существующее неравенство превосходством, допустим, своей расы, национального характера или культуры перед другими народами.

Откровенное или скрытое обоснование превосходства одной расы или одного народа перед другими с целью сохранить (или изменить) реально существующее (или воображаемое) социальное неравенство – суть любого национализма, его идеологических и практических воплощений.

Имея в виду эти общие теоретически соображения, «нацию» продуктивно квалифицировать как политическую и социокультурную общественную форму совместной жизни людей, диалектически снимающую прежние, традиционные формы общежития, а «национализм» – как процесс, момент и результат интеллектуальной, духовной и предметно-практической деятельности социальных групп и отдельного человека, целью которых является формирование, развитие и экспансия «своей нации».

Дальнейшее уточнение и конкретизация содержания этих дефиниций требует выхода в сферу собственно исторических исследований, в область социологических концептуализаций и периодизаций общественного развития, образующих парадигмальные основания специальных исследований наций и национализма, результаты которых могут быть обобщены в контексте развиваемого здесь социально-философского исследования.

Нации нами понимаются как *социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности и связанные общими ценностями прошлого и настоящего*. Они диалектически «снимают» доминировавшие ранее этнические формы социального бытия. Национализм же понимается нами как особый социальный феномен в его различных идеальных и предметно-практических воплощениях (*в исторически конкретных дискурсах и практиках формирования, сохранения, развития и экспансии наций, основанных на предполагаемом превосходстве перед другими (этносомами и нациями) и стремящихся использовать объективно существующую или воображаемую ситуацию экономического, культурного и другого «неравенства» в собственных целях – повышения статуса и благосостояния за счет других народов*).

Исторически национализм существует в двух основных видах: государственного и этнического национализма. Источником этнического национализма является воображаемое или объективное неравенство этносов в полиэтническом государстве, его социальным субъектом – этнические элиты и интеллигенция, а способом существования – борьба за создание нации и национального государства или за «национальное самоопределение» в составе либо вне данного государства. Но исторически первым был государственный национализм формирующейся из буржуа и интеллектуалов (интеллигенции) XVII–XVIII столетий «либеральной бюрократии» – слоя, персонифицирующего рациональный характер организации и осуществления демократизирующейся государственной власти и сыгравшего решающую роль в культурно-языковой стандартизации и секуляризации жизни населения большинства западноевропейских стран, реально превратив их в *социокультурную общность равноправных граждан* – «нацию». Нация – цель любого национализма, а национализм – средство национального строительства, доминирования и экспансии наций, используемое и не имеющими государственности этносами, и национальными государствами.

Завершая этот, посвященный классификации, сравнительному и философско-методологическому анализу многочисленных исследований наций и национализма, раздел статьи, можно подвести промежуточные итоги и сделать ряд выводов, которые сводятся к следующим положениям:

1. Современный массив литературы о нациях и национализме являет собой сложное переплетение различных типов дискурса – понятийно выраженных и логически оформленных систем аргументаций, выстроенных в зависимости от предпочтений, отдаваемых, дисциплинарным, междисциплинарным и общенаучным нормативным образцам исследования истории человечества, в теоретических контекстах которых «нация» и «национализм» истолковываются различным образом.

2. Соответственно указанным предпочтениям в современном совокупном научно-теоретическом дискурсе о нациях и национализме представлены *натуралистический, социетальный, субъективно-символический, этно-символический, инструментально – конструктивистский и гендерный* подходы и изучению национализма, а также – противостоящие модернизму примордиалистские и перениалистские теории происхождения этносов и наций.

3. Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о нациях и национализме, создавая барьеры «непонимания» между исследователями, в свою очередь, препятствующих выявлению теоретической и исторической взаимосвязи между этими понятиями и фиксируемыми ими феноменами. Установить эту взаимосвязь, по мнению автора, можно за счет выхода в трансдисциплинарную область исследований – сферу неомарксистской версии социальной философии, и, шире, философии истории.

4. В философии истории многие из указанных подходов оказываются дополнительными. В частности, если интерпретировать исторический процесс как социально и культурно оформленную совместную (предметно-практическую и духовную) деятельность объединенных в группы людей. Эта деятельность изменяет естественную среду их обитания и создает (помимо «второй природы») особый мир социальных отношений, связывающих людей в «общества» (социумы) разной степени сложности (семьи, роды,

племена, этносы и нации), политически оформленные в «государства» и культурно связанные в «цивилизации».

5. В контексте такой социальной онтологии **нации** предлагается понимать как политически и социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности, диалектически «снимающие» доминирующие ранее этнические формы социального бытия. **Национализм** – в качестве нового исторического феномена социальной жизни человечества, существующего в многочисленных идеальных и предметно-практических воплощениях: *исторически конкретных дискурсах и практиках формирования, сохранения, развития и экспансии наций, основанных на предполагаемом превосходстве перед другими (этносомами и нациями) и стремящихся использовать объективно существующую или воображаемую ситуацию экономического, культурного и другого «неравенства» в собственных целях – повышения статуса и благосостояния за счет других народов.*

Таким образом, откровенное или скрытое обоснование превосходства того или иного народа перед другими с намерением сохранить (или изменить) реально существующее (или воображаемое) социальное (в широком значении термина) неравенство – характерная черта любого национализма, его идеологических и практических воплощений. Тогда как его сутью и целью является «нация»: ее формирование, сохранение, развитие и многообразная (территориальная, политическая, культурная и др.) экспансия.

Представляя собой относительно новое явление, впервые появившееся в Западной Европе примерно в XVIII столетии, национализм в качестве идеологий и практик государств и национально-освободительных движений впоследствии распространился за пределы этого региона: на территории с иной культурно-исторической и, шире, цивилизационной спецификой. Так что феноменологически национализм представлен в различных – цивилизационных, региональных, страновых и иных – конкретно-исторических формах, многообразии типов и видов. Таково авторское понимание национализма, различающее, в отличие от многих проанализированных нами концепций, сущность и существование, форму и содержание, общее, особенное и единичное в предметно-практическом и духовно-практическом воплощении этого сложного исторически изменчивого феномена.

Вместе с тем, реализуя социально-философский замысел автора, такое (понимание) национализма, не противостоит как нечто чуждое его наиболее влиятельным современным концептуальным интерпретациям. По моему мнению, характерной чертой неутраченной полемики в национализмоведении, является дефицит эпистемологической рефлексии над философскими основаниями дисциплинарных и междисциплинарных исследований национализма: в подавляющем большинстве работ эта проблема вообще не обсуждается. Между тем суждения о способах существования и познания социальных явлений и процессов являются трансдисциплинарными, образуя «метафизические основания» (В.С. Степин) исторических, социальных (экономических, политических и др.) и гуманитарных исследований, границы между которыми не являются жесткими.

Это, в частности, означает, что предложенная здесь интерпретация национализма представляет, как уже отмечалось, синтез многих определений (поскольку опирается на общие для модернистских и социетальных концепций метафизические основания: онтологию и эпистемологию человеческой истории) своего рода «теоретическую клеточку», которая в ходе осуществления любого конкретного дисциплинарного исследования национализма может быть использована социологами, политологами, культурологами и др. специалистами при исследовании феномена национализма, реально представленного в многообразии своих цивилизационных, страновых и иных исторических форм и воплощений.

Обязательность учета цивилизационного контекста осуществления национализма, с необходимостью предполагающего учет неизбежной трансформации любого националистического проекта в ареале специфичной для каждой цивилизации системы ценностей и соответствующего ей типа государства – важное методологическое требование и ключевая задача исследований, ставящих целью определение роли национализма в контексте социально-политических трансформаций той или иной страны. Во многих исследованиях это требование не учитывается, или учитывается не в полной мере.

Так, например, И.Г. Яковенко, анализируя проблему возможности формирования национального государства в России XIX столетия, обосновывает невозможность решения этой задачи «теократическим характером» российской империи [14, с. 108-111] – политической формы, анализируемой вне учета ее особенного культурно-исторического содержания. В меньшей степени этот же «нюанс» характерен и для многочисленных работ А. Янова [15, 16, 17], в которых история Московской Руси и России интерпретируется как череда регулярных (в цикле «реформа – стагнация – контрреформа») срывов «европеизации», причиной которых являлась сначала идеология особой «православной цивилизации», а затем (1825–1962) идеология национализма. Иными словами вопреки многим современным исследованиям, трактующим Россию как особую цивилизацию со своим ритмом развития и особыми отношениями с Западом [18], Янов интерпретирует ее историю как перманентную утрату и частичное, временное восстановление изначально присущей европейской идентичности, всегда заканчивающееся «особлячеством от Европы» и провалом в «деспотическую Московию». Одной из причин очередного такого провала в XIX веке был, в частности, по мнению Янова, официальный национализм Николая I и его правительства [17, с. 123, 125, 152]. На фоне общепризнанной оценки национализма в качестве «европейского феномена» такое заключение выглядит особенно странно.

Понятно, что предложенные на этом этапе исследования рабочие определения ключевых понятий слишком «высокие», но совсем не «пустые» абстракции: действительность всегда «богаче» понятия или закона. А историческая действительность тем более. К ней и следует обратиться, используя философский принцип единства логического и исторического, согласно которому воспроизводство человеческой истории в «логике понятий» не должно противоречить твёрдо установленным историческим фактам – то есть реальному течению истории. А факты таковы, что формирование наций и национализма в Европе представляло собой длительный противоречивый многовекторный процесс, реализуемый с разным успехом в разных странах. Но это тема для следующей статьи.

Примечания:

1. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
2. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. М., 2014. 362 с.
3. Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб., 2014. 240 с.
4. Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. Опыт социально-философского исследования. М., 2013. 282 с.
5. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования. М., 2007.
6. Гранин Ю.Д. Национализм и интеллигенция // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. №2. С. 147-154.
7. В России неклассическая версия социального конструктивизма в слабо рефлексированном виде присутствует в исследованиях В. Воронкова, В. Тишкова, С. Соколова, а в качестве осознанной теоретической позиции – работах В.С. Малахова.
8. Лебедев С.А. Проблема истины в науке // Человек. 2014. №4. С. 123-135.
9. Лебедев С.А., Коськов С.А. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. №1. С. 7-13.
10. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002.
11. Брубейкер Роджерс. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.
12. Брубейкер Роджерс. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.
13. Новые идеи в социальной философии. М.: Институт философии РАН, 2006. 324 с.
14. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008.
15. Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии 1462–1584. М., 2001. 326 с.
16. Янов А.Л. Загадка николаевской России. М., 2003. 282 с.

17. Янов А.Л. Патриотизм и национализм в России. 1825-1921. М., 2005. 398 с.
18. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М., 2009. 200 с.

References:

1. Malakhov V. S. Natsionalizm as political ideology. M., 2005.
2. Granin Yu.D. The national state in the globalized world. M 2014. 362 pages.
3. Granin Yu.D. National state. Past. Present. Future. SPb., 2014. 240 С.
4. Granin Yu.D. Globalization, nations and nationalism. History and present. Experience of social and philosophical research. M, 2013. 282 s.
5. Granin Yu.D. Ethnoses, national state and formation of the Russian nation. Experience of philosophical and methodological research. M, 2007.
6. Granin Yu.D. Natsionalizm and intellectuals//Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2010. T.80. No. 2. S. 147-154.
7. In Russia the nonclassical version of social constructivism in poorly reflexed look is present at V. Voronkov, V. Tishkov, S. Sokolov's researches, and as a conscious theoretical position – V.S. Malakhov's works.
8. Lebedev S.A. Problema istinu v nauke//Chelovek. 2014. №4. С. 123-135.
9. Lebedev S.A., Koscov S.A. Konventcii i consensus v kontekste sovremennoy filosofii nauki //Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah. 2014. №1. С. 7-13.
10. A Werder To. Where there are "nations" and "nationalism"? // Nations and nationalism. M, 2002.
11. Brubeyker Rogers. Myths and delusions in studying of nationalism // Myths and delusions in studying of the empire and nationalism. M. 2010.
12. Brubeyker Rogers. Nation name: reflections about nationalism and patriotism // Myths and delusions in studying of the empire and nationalism. M. 2010.
13. New ideas in social philosophy. M.: Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2006. 324 s.
14. Yakovenko I.G. Russian State: national interests, borders, prospects. M, 2008.
15. Yanov A.L. Russia: At sources of the tragedy 1462-1584. M, 2001. 326 s.
16. Yanov of A.L. Zagadk of the Nikolaev Russia. M, 2003. 282 s.
17. Yanov A.L. Patriotizm and nationalism in Russia. 1825-1921. M, 2005. 398 s.
18. Ilyin V. V. Russia in community of world civilizations. M, 2009. 200 s.

УДК 1

**Социально-философская интерпретация национализма,
его видов и исторических форм**

Юрий Дмитриевич Гранин

Институт философии РАН, Академия медиаиндустрии, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: mailly-granin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются натуралистический, социетальный, субъективно-символический, инструментально-конструктивистский и гендерный подходы к изучению наций и национализма. Эксплицируются философские основания этих подходов. Особое внимание уделяется критике философских оснований постмодернистского направления исследований. Предлагается трансдисциплинарная социально-философская (неомарксистская) интерпретация национализма. По мнению автора, именно такая трактовка позволяет устранить барьеры «непонимания» между исследователями.

Ключевые слова: государство, дискурс, идентичность, нация, национализм, парадигма.